

обосновал Г. Цунц: Z u n t z G. Die Taurische Iphigenie des Euripides. - In: Die Antike. Berlin. (1933), Bd. 9, S. 244-254.

Д.И. Мецарькова

ПРЕВРАЩЕНИЕ
УСТНОЙ НОВЕЛЛЫ О ГИГЕ ЛИДИЙСКОМ
В ФАНТАСТИЧЕСКУЮ СКАЗКУ

В основу легенды о Гиге Лидийском был положен исторический факт: около 700 г. до н.э. в Лидии произошел смена династий. В результате убийства последнего царя из династии Гераклидов лидийцами стал править Гиг Мермнад, личность историческая, что подтверждается анналами ассирийского царя Ашшурбанипала, где упоминается победа Гига над киммерийцами и та помощь, которую Гиг оказал царю Египта Псамметиху в его борьбе против ассирийского владычества. Также Геродот сообщает, что Гиг был современником Архилоха (Her. I, 12), в ямбах которого действительно есть о нем упоминание (Arch. fr. 22).¹ Кроме того, до нас дошли рассказы более поздних античных авторов о Гиге и о захвате им власти. Очевидно, основатель новой династии был выдающейся личностью, иначе трудно объяснить такой повышенный интерес к нему. Возможно, здесь сыграло роль и то обстоятельство, что Гиг был первым "варваром", с кем эллинский мир установил прочный контакт, во всяком случае сюжет о Гиге, бытовавший в устной традиции, переключивается в литературу. Мы имеем несколько вариантов рассказа, дошедших до нас благодаря Геродоту, Платону, Плутарху, Ксанфу, в передаче Николая Дамаскина, Истина и др. Источники этих авторов отражают разные варианты устных рассказов о смене царствований, разные по содержанию и по канровой природе; отсюда особенности изложения сюжета, несоответствие интерпретаций одного и того же события. Так, рассказ о Гиге представлен у Платона в виде сказки, а у Ксанфа и Геродота -

в виде новеллы. Разнообразие традиций как нельзя лучше говорит о большой популярности рассказа среди различных слоев общества.

В данной статье нас будет интересовать одно из поздних упоминаний о Гиге, которое мы находим у Птолемея Гефестина, и зависимость этого источника от платоновской сказки и повеллы Геродота. Птолемей Гефестин, цитируя *ἱστορικὰ βιβλία* греческого софиста Абанта, пишет следующее: "Жена Кандавла, имя которой Геродот не упоминает, звалась Низией. Говорят, что у нее был двойной зрачок, она обладала острейшим зрением и имела кольцо с драконтовым камнем, поэтому увидела Гига, выходящего через дверь" (Photi bibl., cod 190). Этот отрывок интересен тем, что царица предстает перед нами в образе могущественной колдуньи, имеющей двойной зрачок и кольцо с драконтовым камнем. Двойной зрачок, наделяющий своего обладателя сверхъестественным зрением, и являющийся атрибутом старухи-колдуньи, упоминается Овидием (Ovid., Amores, I, 18, 15). Плиний (Plin., NH VII, 2, 8) сообщает, что в Трибалии и Иллирии есть целые семьи колдунов, завораживающих взглядом и убивающих тех, кто на них долго смотрит. И тут же рассказывает о Бифиях, скифских женщинах, имеющих двойной зрачок. Кроме них на Понте, по свидетельству того же Плиния, было еще племя Фибиров, у которых в одном глазу был двойной зрачок, а в другом — изображение лошади. Как одно из свойств, отличающих этих людей от простых смертных, отмечается, что они не могут утонуть, даже отягощенные одеждой. Странно, что у Плиния в этом разделе не упоминается двойной зрачок Низии. На основании этого соображения К. Смит² делает вывод, что Плиний не читал книги Абанта и что сведения о двойном зрачке Низии содержатся только у него, поэтому весьма вероятно, что двойной зрачок Низии — это плод фантазии самого Абанта. По сохранившемуся отрывку трудно решить, каким образом Низия оказалась обладательницей двойного зрачка. Драконтов камень, второй атрибут Низии, также описан Плинием (Plin., NH XXXVII, 57, 2). Рассказываются, что этот камень бывает в мозгу у дракона. Причем он становится драгоценным только в том случае, когда его добывают из

головы живого дракона, которого предварительно усыпляют. Явление превращения невидимого в видимое с помощью этого камня встречается во многих сказках. Драконтов камень, упомянутый у Птолемея, заставляет нас остановиться на версии Платона и Геродота.

Платон (Plato, Respubl., II, 359D) рассказывает следующее. Когда Гиг был царским пастухом, случилось сильное землетрясение; земля расколосась и на этом месте образовалась глубокая расщелина. Гиг опустился туда и увидел много разных чудес и, в частности, медного коня, полого внутри и имеющего двери. В этом коне Гиг обнаружил мертвеца, рост которого превышал обычный человеческий. На пальце у него было золотое кольцо. Сняв кольцо, Гиг поднялся наверх. Через некоторое время на собрании пастухов Гиг открыл чудесные свойства этого кольца: стоило только повернуть кольцо камнем к ладони, как обладатель его становился невидимым для окружающих. Удостоверившись, что это кольцо действительно волшебное, он отправляется в Сарды, соблазняет жену царя, вместе с ней убивает его и таким образом захватывает власть.

Внимательное прочтение текста позволяет сделать вывод, что Платон не ставил перед собой цели подробного изложения истории о Гиге и волшебном кольце. К сожалению, рассказ служит только подтверждением основной мысли, что человека от дурных поступков удерживает лишь страх перед обнаружением. Если же появляется какая-то сила, способная сделать это обнаружение невозможным, то человек способен совершить любое злодеяние. Поэтому можно предполагать, что рассказ сильно сокращен. Приключения Гига во дворце (то, что у Геродота составляет основу новеллы) Платон передает одним предложением. В основном Платон останавливается на том, каким образом кольцо попало к Гигу и какой силой оно наградило своего владельца. Несмотря на сокращение рассказа, вполне очевидно, что перед нами сказка с присущими ей элементами. Чудесное кольцо, которое делает человека невидимым, помогает ему в достижении цели, а также неожиданное возвышение простого человека — это мотивы, достаточно часто встречающиеся в сказках как в античное, так и в новое

время. Можно с достаточным основанием предположить, что источником для Платона послужила сказка, несомненно возникшая среди простого народа. А.И. Доватур более точно определяет ту среду, в которой мог зародиться этот вариант, считая, что данный рассказ является созданием свободной пастушеской среды.³ Для обыкновенного человека, никогда не бывавшего при дворе, все события, которые там происходили, казались таинственными и загадочными. Поэтому неудивительно, что рассказ об убийстве последнего из Гераклидов благодаря воображению простого человека был наполнен фантастическими деталями и превратился в сказку.

Геродот (Нер., I, 8-13) сообщает нам следующее. Кандавл, безумно влюбленный в свою жену, решает показать ее обнаженной своему оруженосцу Гигу, чтобы тот своими глазами убедился в неповторимой красоте этой женщины. Гиг вспешски отказывался, но Кандавл настаивает на своем намерении и предлагает такой план: Гиг встанет за дверь в спальне и сможет безбоязненно смотреть на царицу, когда она будет раздеваться. Засада за дверь — это место, где царица не могла увидеть Гига. Однако, когда все это было устроено, жена Кандавла заметила Гига, выходящего через дверь. Она сразу же поняла, что все это было задумано ее мужем, и решила отомстить. На следующий день, соораз наиболее верных слуг, царица призывает Гига и предоставляет ему выбор: либо убить тщеславного Кандавла, либо самому быть убитым, так как, увидев ее обнаженной, он тем самым совершил недозволенное. После долгих колебаний Гиг выбирает первое. Тогда царица предлагает ему свой план: убить спящего Кандавла, устроив засаду в том же самом месте. Убив Кандавла, Гиг женится на царице и становится царем Лидии.

Прежде всего мы видим, что в отличие от Платона в рассказе Геродота отсутствуют сказочные элементы. Герои действуют в реальной обстановке и наделены обыкновенными человеческими качествами (Кандавл глуп, царица горда и властна, Гиг нерешителен). Геродот направляет внимание читателя на психологию действующих лиц, на их внутренний мир, их мысли, чувства и переживания в тот или иной момент описываемого события. Таким об-

разом, ясно, что авторы пользовались разными источниками и что Геродот переработал свой источник и представил нам рассказ о Гиге в виде новеллы.

Из текста же Птолемея понятно, что в рассказе присутствует эпизод с дверью, как у Геродота, а также, что Гиг имел волшебное кольцо, как в сказке у Платона. Поэтому возможно предположение о том, что в более позднее время произошло сближение версий этих двух авторов. Но если это было так, то оставалось непонятным, каким образом царица увидела Гига, ставшего благодаря кольцу невидимым. Вероятно, для объяснения этого и появился драконтов камень, сделавший Гига видимым для царицы. Во всяком случае ясно одно, что чем дальше отодвигались события, связанные с убийством последнего царя из династии Гераклидов, тем в менее реальной обстановке действовали герои. Очевидно, в этом была повинна устная традиция о Гиге, которая продолжала существовать после Геродота и Платона и которая снабдила рассказ дополнительными, в данном случае фантастическими, деталями.

Примечания

¹ Frangulis, *Die Lyriker* / Bearb. v. Snell. Berlin, 1972, Bd. II.

² Smith, K.F. The tale of Gyge and the king of Lydia. — *American Journal of Philology*, 1902, vol. 23, p. 400.

³ Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Д., 1957, с. 94.

В.В. Вальченко

К ВОПРОСУ О ПОВТОРАХ У ГРЕЧЕСКИХ ОРАТОРОВ I-V в. до н.э.

Ораторская проза эпохи борьбы Афин за свободу и независимость, прошедшая сравнительно короткий, но плодотворный путь